

*Ю.Н.Давыдов,
доктор философских наук,
Институт социологии РАН*

Уточнение понятия "интеллигенция"

Я хотел бы сказать буквально несколько слов. С точки зрения уточнения понятий, особенно когда мы говорим об интеллигенции. Все время хочется вспомнить о том двойственном впечатлении, которое производит вообще слово "интеллигенция". Вы, наверное, помните, — еще Макс Вебер в одной из статей о русской революции сказал, что это понятие неприемлемо в западных странах, это — ситуация самой России. И понять это можно, исходя из того, как сами представители интеллигенции себя идентифицируют. По-моему, рекомендация Вебера была очень серьезна, но мало кто этой рекомендации внял. А как определяла себя интеллигенция? Интеллигент Струве очень четко сказал, выразив и себя прошлого, на которого он посмотрел глазами умудренного опытом интеллигента: "Интеллигенция русская определяется социологически через понятие отщепенца". Это, во-первых, отщепенство от царя, во-вторых, отщепенство от религии и, в-третьих, как это ни парадоксально, отщепенство от народа (именно потому, что, по логике Струве, это было отщепенством от религии). Так вот, в данном случае он делает следующий чисто социологический вывод: это ведет к отщепенству от образованного сословия (что на бытовом, так сказать, уровне подтверждается в революционном движении, которому он сам положил начало раньше Ленина). Интеллигенция уже тогда, — предвосхитив точку зрения

Левады, сказал Струве, — зашла в тупик. И задача интеллигенции заключается в том, чтобы перестать быть интеллигенцией. Вернуться в образованное сословие. К сожалению, все сложилось таким образом, что, сначала разгромив интеллигенцию, ее в условиях тоталитаризма вернули в образованное сословие и сделали своей служанкой. С одной стороны, это было возвращением, но каким возвращением... Такое насильственное возвращение вновь раскололо интеллигенцию с самой собой. Это было служилое сословие, но в состоянии внутренней эмиграции и внутренней оппозиции по отношению к тем, кому служило. Подобное состояние усиливалось, и в 60-е годы этот раскол стал особенно заметен — раскол интеллигенции как служилого сословия с самой собой. Она начала воевать с властями предрержащими, но и с самой собой, как служилым элементом. (Здесь уместны образы Давида и Голиафа.) Дальше происходит вот что. Возьмем сначала перестроечный, потом постперестроечный период. Интеллигенция, если и не приходит к власти, то начинает предлагать власти целый ряд идей, которые та принимает. И более того, многие из межрегионалов, прежних диссидентов и т.д. становятся, так сказать, теньвыми великими визириями властей предрержащих, т.е. заканчивается борьба с собой. В целях прежней самоидентификации интеллигенция начинает настаивать на других противопоставлениях, в первую очередь на своей антирелигиозности. Но и с этим дело не получается. Интеллигентность начинает размываться религиозностью самого разного типа, которая, так сказать, проникает в ее собственный состав. Остается одно. Интеллигенция начинает противопоставлять себя, по-прежнему, народу. Самая большая опасность, если она обретет себя в этом, — тогда проявится еще одна трагедия нашей интеллигенции.